

Конкуренция договорного и деликтного притязаний к одному должнику

Научный руководитель – Лухманов Максим Иванович

Агафонов Александр Александрович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: mr.aleksandraagafonov@gmail.com

В европейской доктрине гражданского права широкое освещение получила проблематика конкуренции притязаний, в том числе притязаний договорных и деликтных.

Договорный и деликтный режимы ответственности имеют существенные различия как в отечественном правопорядке, так и за рубежом. Между тем, одни и те же юридические факты зачастую составляют гипотезы разных правовых норм как деликтных, так и договорных. В этой связи неизбежно возникает вопрос о допустимости предоставления лицу, чье право нарушено, возможности выбора между деликтным и договорным притязаниями.

Большинство европейских правопорядков (Германия, Нидерланды, Англия и др.) исходят из посылки о допустимости выбора истцом вида предъявляемого требования, то есть допускают конкуренцию притязаний[1].

Противоположным является решение французского и российского правопорядков: если между лицами заключен договор, у потерпевшей стороны отсутствует возможность предъявления деликтного требования (принцип некумуляции)[2].

Сторонники такого подхода обычно приводят в его обоснование следующие исходные положения.

Во-первых, иск призван защитить определенное гражданское правоотношение, возникшее между сторонами, а следовательно, из природы данного правоотношения и следует исходить при определении вида притязания: из одного набора юридических фактов может возникнуть только одно требование, право не должно допускать произвольного жонглирования правовыми нормами[3].

Во-вторых, правопорядок должен защищать обязательную силу договора: принцип некумуляции эффективно проявляет себя в ситуациях, когда одна из сторон договора (кредитор), действуя явно недобросовестно, пытается обойти те или иные ограничения, установленные договором (например, ограничение ответственности) или законом (например, более короткие сроки исковой давности), путем предъявления деликтного иска[4].

Отечественная судебная практика указывает на субординированность данных требований: деликтный иск всегда выступает по отношению к договорному в качестве субсидиарного, кроме тех случаев, когда закон прямо отдает приоритет деликтной квалификации, например, в ситуациях причинения вреда жизни или здоровью потребителя[5].

Такой подход представляется в целом соответствующим идее правовой определенности. Как представляется, мысленное исключение из юридического состава факта заключения договора для применения удобной истцу нормы противоречит закону, который связал с определенным набором юридических фактов лишь одно единственное последствие.

Между тем, такие рассуждения могут быть уязвимы для критики: неочевидным является ответ на вопрос о том, в каких случаях правопорядок в действительности может и должен пренебрегать теми или иными фактическими обстоятельствами, в том числе фактом заключения договора, и каковы критерии для такого пренебрежения.

Интересное решение проблемы, как представляется, предлагает немецкий правопорядок, допускающий конкуренцию притязаний в качестве общего правила. В силу особенностей немецкого деликтного права (отсутствие принципа генерального деликта) в большинстве случаев конкурирующее (альтернативное) требование попросту не возникает. В тех же случаях, когда проблема конкуренции проявляется, судебная практика подходит к ее решению с достаточной гибкостью: Верховный суд Германии сформулировал принцип, согласно которому допустимость выбора истцом вида предъявляемого требования зависит от телеологического толкования закона[6].

К примеру, в одном из решений Верховного суда Германии указывается, что, при конкуренции двух требований то из них, которое имеет менее продолжительный срок исковой давности, имеет преимущественную силу только в том случае, если возможность кредитора воспользоваться иным требованием (с более длительным сроком исковой давности) нарушает цель законодательного регулирования. Нарушение цели законодательного регулирования отсутствует, в частности, тогда, когда возможность реализации требования с более длительным сроком исковой давности основана не на произволе истца, а имеет под собой специальное основание, которое устанавливается судом на основе толкования закона. В качестве такого основания в данном деле выступает необходимость утверждения особого доверия к деятельности аудитора, в силу предположения о его компетентности и личной надежности: если аудитор воспользовался оказанным ему профессиональным доверием, он также должен нести профессиональную ответственность по требованию, для реализации которого законом предусмотрены специальные («профессиональные»), увеличенные сроки исковой давности по требованию из договора с защитным эффектом в пользу третьих лиц (инвесторов)[7].

В другом деле Верховный суд Германии приходит к выводу, что, если деяние отвечает элементам нескольких норм, предоставляющих право на иск, то возникающие в результате этого требования, в той мере, в какой они направлены на достижение одной и той же цели, обычно сосуществуют (подлинное совпадение требований), в результате чего каждое требование должно оцениваться независимо, в соответствии с его предпосылками и содержанием. Иная же оценка необходима, если из положения закона можно сделать вывод, что оно исчерпывающе регулирует ситуацию и, соответственно, намерено исключить ответственность из других оснований или ограничить ее в определенных отношениях[8].

Таким образом, судебная практика Германии исходит из необходимости определения целей законодательного установления тех или иных правил (к примеру, целей установления специальных сроков исковой давности) для определения возможности предоставления истцу права выбора вида предъявляемого требования, в отличие от российской судебной практики, которая изначально исходит из субординированности договорного и деликтного требований.

На данном этапе разработки заявленной проблематики, в основе которой лежит опыт применения отечественного и зарубежного права, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, ни один из проанализированных правопорядков не допускает конкуренции договорного и деликтного притязаний в полной мере.

Судебная практика Германии, Нидерландов и Англии с настороженностью относится к возможности свободного выбора истцом вида предъявляемого требования. На примерах этих государств отчетливо видно, что право не может допустить произвольного использования правовых норм, которые изначально призваны регулировать различный круг общественных отношений.

Во-вторых, очевидно, что в отсутствие гибкого подхода ни одно из противоположных решений (как кумуляция, так и некумуляция) при последовательном проведении не является оптимальным.

В связи с этим наиболее интересным вектором для дальнейшего исследования является более глубокое изучение подходов иностранных государств (в особенности немецкого опыта) к решению проблемы конкуренции с целью определения мыслимых критериев, на основании которых правопорядок должен предоставлять потерпевшему право выбора квалификации требования для недопущения тех несправедливостей, которые возникают при последовательном проведении каждого из решений.

[1] Atiyah P.S. The rise and fall of freedom of contract. Oxford, 2003. P. 690-693; Zimmermann R. The Law of Obligations. Oxford, 1996. P. 905–906; De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A comparative Perspective // European Review of Private Law. 2017. Vol. 4. P. 709-710.

[2] De Graaff R., Moron-Puech B. Le concours des responsabilités contractuelle et délictuelle: Réflexions comparatistes à l'occasion du projet de réforme du droit français de la responsabilité civile // Revue de la Recherche Juridique: Droit prospectif. 2017. Vol. 1. P. 85.

[3] Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 865.

[4] Borghetti. J.S. La responsabilité du fait des choses, un régime qui a fait son temps. Paris, 2010. P. 31-40; Bacache-Gibeilli M. Les obligations. La responsabilité civile extracontractuelle. Paris, 2012. P. 112.

[5] См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13 по делу № А40-112862/11-69-982; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.05.2015 № 305-ЭС14-6511 по делу № А40-134251/2012.

[6] См., например: BGH 20 Nov. 1984, BGHZ 93, 23 (1984); BGH 30 Nov. 1972, NJW 1972, 475 (1972).

[7] BGH 08 Juni 2004, X ZR 283/02 (2004).

[8] BGH 22 July 2014, KZR 27/13 (2014).

Источники и литература

- 1) Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 865.
- 2) Atiyah P.S. The rise and fall of freedom of contract. Oxford, 2003. P. 690-693.
- 3) Bacache-Gibeilli M. Les obligations. La responsabilité civile extracontractuelle. Paris, 2012. P. 112.
- 4) Borghetti. J.S. La responsabilité du fait des choses, un régime qui a fait son temps. Paris, 2010. P. 31-40.
- 5) De Graaff R. Concurrent Claims in Contract and Tort: A comparative Perspective // European Review of Private Law. 2017. Vol. 4. P. 709-710.
- 6) De Graaff R., Moron-Puech B. Le concours des responsabilités contractuelle et délictuelle: Réflexions comparatistes à l'occasion du projet de réforme du droit français de la responsabilité civile // Revue de la Recherche Juridique: Droit prospectif. 2017. Vol. 1. P. 85.
- 7) Zimmermann R. The Law of Obligations. Oxford, 1996. P. 905–906.
- 8) Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13 по делу № А40-112862/11-69-982.
- 9) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.05.2015 № 305-ЭС14-6511 по делу № А40-134251/2012.
- 10) BGH 20 Nov. 1984, BGHZ 93, 23 (1984).
- 11) BGH 30 Nov. 1972, NJW 1972, 475 (1972).
- 12) BGH 08 Juni 2004, X ZR 283/02 (2004).

13) BGH 22 July 2014, KZR 27/13 (2014).